

Н. В. Куликова, М. Е. Белокобыльский

ПРИСВОЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье содержится ретроспективный анализ российского законодательства об ответственности за присвоение полномочий должностного лица с момента формирования соответствующих норм по настоящее время. Исследование проведено в целях выявления проблем реализации уголовно-правового запрета, предусмотренного ст. 288 Уголовного кодекса РФ.

Изучение памятников российского права показало, что первые упоминания об уголовной наказуемости рассматриваемых действий встречаются еще в Артикуле воинском от 26 апреля 1715 г. Рассмотрена эволюция указанного состава преступления на примере таких источников права, как Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., Уголовное уложение 1903 г., а также документов советского периода (постановление ВЦИК от 5 января 1918 г., Уголовный кодекс РСФСР 1922 г., Уголовный кодекс РСФСР 1926 г., Уголовный кодекс РСФСР 1960 г.).

Автором высказано предположение о целесообразности иного решения вопроса о субъекте преступления, предусмотренного ст. 288 Уголовного кодекса РФ.

Ключевые слова: присвоение полномочий должностного лица, преступления против государственной власти, преступление, состав преступления, наказание, должностное лицо.

N. V. Kulikova, M. Y. Belokobylsky

APPROPRIATION OF THE OFFICIAL PERSON'S AUTHORITY: HISTORICAL ASPECT

The article includes analysis of Russian legislation on responsibility for appropriation of the official person's authority from the moment of formation of the norm along to the present. Research has been lead for the purpose of identification of problems of realization of the criminal and legal ban is provided by Art. 288 of the criminal code of Russian Federation. Studying sources of Russian law showed that the first mentions of criminal punishability of appropriation of the official person's authority meet in the Article military of April 26, 1715. Considering evolution of the specified structure of a crime on the example of such sources of law, as the Code about punishments criminal and corrective 1845, the Criminal code of 1903, and also documents of the Soviet period (VTsIK resolution of January 5, 1918, the Criminal code of RSFSR 1922, the Criminal code of RSFSR 1926, the Criminal code of RSFSR 1960). The author suggests solution of a question about the subject of the crime provided by Art. 288 of the Criminal code of Russian Federation.

Keywords: appropriation of the official person's authority, crimes against the government, a crime, crime structure, punishment, an official person.

Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (гл. 30 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) — неоднородная группа деяний, представленная посягательствами как должностных, так и недолжностных лиц — государственных и муниципальных служащих и общих субъектов. Присвоение полномочий должностного лица занимает особое место в этой системе. Это единственное преступление в гл. 30 УК РФ и вообще в уголовном праве России, субъектами которого, в силу прямого указания

закона, могут быть *только* государственный служащий или служащий органа местного самоуправления, не являющиеся должностными лицами.

По данным официальной статистики, количество зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 288 УК РФ, за весь период действия УК РФ остается в целом низким. Это вызывает вопросы о социальной обусловленности уголовно-правового запрета присвоения полномочий должностного лица, а также о признаках состава данного преступления.

Для исследования обозначенных проблем необходимо рассмотреть уголовное

законодательство о присвоении полномочий должностного лица в историческом аспекте [1; 2; 3].

Появление в российском уголовном законе состава, аналогичного, хотя и далеко не тождественного, современной конструкции присвоения полномочий должностного лица относится к XVIII в., когда был издан Артикул воинский от 26 апреля 1715 г. В артикуле 202 главы 22 «О лживой присяге и подобных сему преступлениях» указывалось: «Ежели кто с умыслу, лживое имя или прозвище себе примет, и некоторый учинит вред, оный за бесчестного объявлен и по обстоятельству преступления наказан быть имеет» [4, т. 4, с. 364]. Наказуемым считалось «умышленное присвоение другого имени или прозвища». Виновный в данном преступлении объявлялся бесчестным и наказывался по усмотрению суда. При отсутствии умысла на причинение вреда лицо не подлежало наказанию [4, т. 4, с. 387, 388]. Судя по названию и содержанию главы 22 Артикула воинского, основным объектом данного преступления являлись общественные отношения в сфере регламентированного законом порядка управления и осуществления правосудия. Объективную сторону составляли общественно опасное деяние — незаконное присвоение чужого имени, «некоторый вред», т. е. нарушение чьих-либо законных интересов, и причинная связь между деянием и последствиями. Широта описания признаков состава преступления дает основания полагать, что присвоенным «именем» могло быть и имя должностного лица. Субъект преступления не был конкретизирован, следовательно, им могло быть как частное лицо, так и служащий. Субъективная сторона преступления характеризовалась умыслом, на что указано в самом артикуле; принимая во внимание конструкцию состава, допустимо утверждать о возможности как прямого, так и косвенного умысла в их современном понимании.

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. уже конкретизированы признаки присвоения именно властных полномочий, определены виды власти, на которую посягал субъект данного преступления. В статье 317 указано: «Кто, самовольно присвоив себе в каком бы то ни было случае власть правительственную или судебную, предоставленную законом одному или нескольким

из состоящих в государственной или общественной службе лиц, употребит оную на содеяние того, что хотя само по себе безвредно или не составляло бы преступления, но не могло быть им совершено без сего присвоения принадлежащей ему власти, то за сие подвергается: или заключению в тюрьме на время от шести месяцев до одного года; или же денежному взысканию от пяти до пятидесяти рублей...» [1, т. 6, с. 250]. В части второй этой же статьи содержится правило об усилении наказания, если присвоенные властные полномочия были использованы виновным для совершения преступления, наказуемого более строго, чем само присвоение полномочий: «Если же он присвоенною им самовольно властью воспользовался для совершения или поущения к совершению такого преступления, за которое в законе постановлено наказание выше определяемого в сей статье, то он приговаривается: к самой высшей мере наказания, законами за то преступление постановленного» [4, т. 6, с. 250]. Предположительно, присвоение власти достаточно часто совершалось в совокупности с другими преступлениями, в связи с чем и появилась необходимость прямо указать на это в законе. Объектом данного преступления выступал порядок управления (что следует из названия раздела четвертого уложения). Объективную сторону составляли активные действия: присвоение функций правительственных служащих или судей и сопряженные с этим деяния, относящиеся к компетенции названных лиц, либо деяния преступные. Субъектом данного преступления могло быть как частное лицо, так и служащий. Субъективная сторона заключалась в прямом умысле, что подтверждается указанием на использование присвоенной власти для совершения преступления или попустительства преступлению.

Квалифицированным видом присвоения власти (ст. 318) считалось совершение такого деяния с использованием «обмана или подлога» [4, т. 6, с. 250].

Последний кодифицированный уголовно-правовой акт имперской России — Уголовное уложение 1903 г. — также предусматривал ответственность за присвоение власти. Описание данного вида преступного поведения содержалось в двух статьях.

По смыслу ст. 151 уложения были возможны

два варианта такого преступления: 1) самовольное принятие на себя звания служащего с целью учинить действие, которое могло быть совершено только служащим; 2) самовольное учинение действия, которое могло быть учинено только служащим. Далее разъяснялось: «Если присвоивший власть учинил, посредством злоупотребления присвоенной им властью, тяжкое преступление или преступление, то он наказывается по правилам о совокупности. Если присвоивший власть учинил деяние, соответствующее тяжкому преступлению или преступлению по службе государственной или общественной, то он подлежит тому же наказанию, которому подлежал бы за такое деяние служащий» [6, с. 34].

Примечательно, что присвоение власти рассматривалось как частный случай неповиновения власти (ст. 151 была включена в главу 6 «О неповиновении власти»). Субъектом данного преступления могло быть любое лицо. Н. С. Таганцевым названы ситуации, когда данное преступление мог совершить служащий (или бывший служащий). Это, во-первых, выполнение служебных действий лицами, заведомо для них уволенными со службы или отстраненными от участия в данном деле, или лицами, еще не принявшими присяги на службу, на должностях, требующих принесения присяги. Во-вторых, совершение служащим действия, выходящего за пределы его полномочий [5, с. 272]. Из диспозиции ст. 151 видно, что для основания уголовной ответственности за данное преступление достаточно было деяния, наступление каких-либо последствий не было необходимым. Видимо, только прямым мог быть и умысел.

В статье 152 Уголовного уложения 1903 г. содержался второй состав преступления, связанного с присвоением власти: «Виновный в самовольном исполнении обязанностей, возложенных по закону на правительственных раввинов или их помощников, наказывается заключением в тюрьме» [6, с. 34]. Объективная сторона данного преступления заключалась в самовольном фактическом выполнении функций служащего особого рода — представителя религиозной общины.

В период становления Российской Советской Федеративной Социалистической Республики уголовного кодекса как такового не существовало, однако 12 декабря 1919 г. было принято

постановление Наркомюста РСФСР о Руководящих началах по уголовному праву, в которых закреплялись положения только Общей части уголовного права [7]. Особенная часть не была кодифицирована.

Видоизменяется характер общественной опасности присвоения власти — оно рассматривается как контрреволюционное деяние. В постановлении ВЦИК от 5 января 1918 г. «О признании контрреволюционным действием всех попыток присвоить себе функции государственной власти» констатировалось, что «вся власть в Российской Республике принадлежит Советам и Советским учреждениям. Поэтому всякая попытка со стороны кого бы то ни было, или какого бы то ни было учреждения присвоить себе те или иные функции государственной власти будет рассматриваема как контрреволюционное действие. Всякая такая попытка будет подавляться всеми имеющимися в распоряжении Советской власти средствами, вплоть до применения вооруженной силы» [8]. Из приведенного текста видно, что понимание субъекта данного деяния было расширено путем указания на «учреждения», санкция не уточнялась. Есть основания полагать, что подавление всеми средствами вплоть до применения вооруженной силы подразумевало смертную казнь как один из видов наказания за данное преступление. Объектом преступления выступала государственная власть. Объективная сторона заключалась в общественно опасном деянии, независимо от его способа, направленном на присвоение полномочий государственных органов. Для признания преступления окончанным фактического присвоения функций государственной власти не требовалось, т. е. состав данного контрреволюционного преступления был усеченным.

В статье 91 УК РСФСР 1922 г. такое общественно опасное поведение, как присвоение полномочий должностного лица, характеризовалось следующим образом: «Самовольное присвоение себе власти должностного лица и учинение на этих основаниях тех или иных действий» [9, с. 25]. Состав был формальным; действия, совершаемые лицом, присвоившим полномочия, могли быть любыми. Данное преступление не включалось в группу должностных, ст. 91 располагалась в части второй («О преступлениях против порядка управления») главы I УК РСФСР 1922 г. («Государственные преступления»). Объектом данного преступления

признавался порядок управления. Несмотря на то, что присвоение власти уже не относилось к числу контрреволюционных деяний, оно все же рассматривалось как посягательство на основы государственного строя. С объективной стороны преступление представляло собой сочетание двух неразрывно связанных актов поведения: самовольного присвоения власти должностного лица и действий, вытекающих из компетенции этого должностного лица. В примечании к ст. 105 главы II «Должностные (служебные) преступления» УК РСФСР 1922 г. раскрывалось понятие должностного лица: «Под должностными лицами разумеются лица, занимающие постоянные или временные должности в каком-либо государственном (советском) учреждении или предприятии, а также в организации или объединении, имеющем по закону определенные права, обязанности и полномочия в осуществлении хозяйственных, административных, просветительных и других общегосударственных задач» [9, с. 29].

Субъект данного преступления был общим. Субъективная сторона, вероятнее всего, заключалась в прямом умысле. Преступление каралось лишением свободы на срок не менее одного года.

Квалифицированным видом присвоения власти считалось совершения данного преступления с «явным дискредитированием советской власти». Нижний предел наказания за такое преступление повышался до двух лет лишения свободы.

В УК РСФСР 1926 г. состав присвоения власти должностного лица претерпел некоторые изменения: «Самовольное присвоение себе звания или власти должностного лица, сопряженное с дискредитированием Советской власти или учинением на этом основании каких-либо общественно опасных действий» (ст. 77) [10, с. 26].

Таким образом, дискредитирование советской власти признавалось уже не квалифицирующим, а криминообразующим признаком данного состава, имеющим самостоятельный характер наряду с совершением общественно опасных (а не любых, как в прежней редакции кодекса) действий.

Данное преступление также относилось к посягательствам на порядок управления. Объектом данного преступления были общественные отношения, обеспечивающие интересы управления, авторитет советской власти. Объективная сторона данного

преступления складывалась из следующих действий: самовольного присвоения звания или власти должностного лица и (альтернативно) дискредитации Советской власти либо уголовно наказуемых действий. В примечании к ст. 109 (главы III «Должностные (служебные) преступления») определялось понятие должностного лица, которое почти не изменилось по сравнению с содержащимся в УК РСФСР 1922 г. Субъектом присвоения власти могло быть любое лицо. С субъективной стороны преступление было умышленным (в части присвоения звания или власти должностного лица и дискредитации власти). О вине по отношению к общественно опасным действиям судить сложно — не исключено, что в результате присвоения власти совершались как умышленные, так и неосторожные преступления. Наказывалось присвоение власти лишением свободы на срок до двух лет.

В УК РСФСР 1960 г. состав присвоения власти существенно не меняется (исключается только указание на «сопряженность с дискредитированием Советской власти»): «Самовольное присвоение звания или власти должностного лица, сопряженное совершением на этом основании каких-либо общественно опасных действий — наказывается лишением свободы на срок до двух лет или исправительными работами на срок до одного года» (ст. 194) [11, с. 71]. Деяние считалось посягающим на порядок управления как на основной объект. Объективную сторону образовывали два взаимосвязанных действия — присвоение звания или власти должностного лица и совершение каких-либо деяний, запрещенных уголовным законом. Понятие должностного лица раскрывалось в примечании к ст. 170 кодекса. Субъектом данного преступления могло быть любое лицо. Субъективная сторона (точнее, вина) оценивалась специалистами неоднозначно, хотя большинство признавало возможность только прямого умысла [12, с. 446—448].

В действующем УК РФ основание уголовной ответственности за присвоение полномочий должностного лица (ст. 288) получило принципиально иную правовую регламентацию. Теперь это преступление со специальным субъектом, отнесенное к группе посягательств против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (гл. 30 УК РФ). Основным объектом данного преступления являются

государственная власть и интересы публичной службы; дополнительным объектом — общественные отношения, складывающиеся в связи с осуществлением прав и законных интересов граждан или организаций. Объективная сторона выражается в присвоении виновным полномочий должностного лица; в совершении в связи с этим конкретных действий; существенном нарушении прав и законных интересов граждан или организаций; причинной связи между противоправными действиями и наступившими последствиями [13, с. 174—176; 14, с. 46—47; 15]. Субъективная сторона преступления — прямой либо косвенный умысел. Среди видов наказаний, предусмотренных в санкции ст. 288 УК РФ, вообще нет лишения свободы.

На основании изложенного можно сделать вывод, что с момента появления в российском законодательстве состава присвоения властных полномочий до введения в действие УК РФ 1996 г. объектом данного преступления являлись общественные отношения, связанные с властью, службой, основами государственного строя, порядком управления [16; 17; 18]. По конструкции состав в разное время был как формальным, так и материальным. Субъект данного преступления всегда был общим. Субъективная сторона, как правило, характеризовалась умыслом. Санкции за совершение этого преступления варьировались от признания судом виновного бесчестным до смертной казни.

Можно предположить, что одной из причин редкого применения ст. 288 УК РФ является ограничение круга субъектов состава государственными служащими или служащими органов местного самоуправления, не имеющими статуса должностного лица. Возможно, для того чтобы данная статья стала «работающей», необходимо учесть исторический опыт законодательной регламентации признаков состава присвоения власти и рассмотреть вопрос об отказе от специального субъекта названного преступления.

Список библиографических ссылок

1. Александрова И. А. Уголовно-правовая борьба с мошенничеством в сфере предпринимательской деятельности выходит на новый уровень // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 2. С. 55—59.
2. Егорова Н. А. Незаконное участие в предпринимательской деятельности: некоторые проблемы правотворчества и правоприменения // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 3. С. 61—65.
3. Плохов С. В. Система мер противодействия коррупционной преступности в социальной сфере // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 1. С. 56—63.
4. Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова; отв. ред. А. Г. Маньков. М.: Юрид. лит., 1986.
5. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. СПб.: Издание Н. С. Таганцева, 1904.
6. Уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб.: Издание Сенатской типографии, 1903.
7. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР [Электронный ресурс]: постановление Народного комиссариата юстиции РСФСР от 12 декабря 1919 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. О признании контрреволюционным действием всех попыток присвоить себе функции государственной власти [Электронный ресурс]: постановление ВЦИК от 5 января 1918 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Уголовный кодекс РСФСР. 2-е-изд. М.: Знание, 1922.
10. Уголовный кодекс РСФСР (в ред. 1926 г.). М.: Юрид. изд-во Н.К.Ю. РСФСР, 1927.
11. Уголовный кодекс РСФСР. М.: Юрид. лит., 1968.
12. Курс советского уголовного права: в 5 т. Т. 4. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1978.
13. Волженкин Б. В. Служебные преступления. М.: Юрист, 2000.
14. Егорова Н. Присвоение полномочий должностного лица // Рос. юстиция. 1999. № 6.
15. Иванов А. С. Оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса (ст. 184 УК РФ) как один из видов преступлений коррупционной направленности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 2 (28). С. 188—194.
16. Алексеева А. П. Деятельность российской полиции в оценках общественности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2011. № 4. С. 26—33.
17. Егорова Н. А. Уголовно-правовые меры профилактики коррупции в государствах-участниках СНГ // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 1. С. 41—47.
18. Иванов А. С. Криминологическая оценка некоторых корыстных преступлений при строительстве спортивных объектов // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2012. № 4 (23). С. 64—68.